

двух вещей окажется одна и та же граница, где они соприкасаются и связываются вместе, так что ясно, что непрерывность имеется в тех вещах, из которых естественным образом получается что-нибудь одно благодаря взаимному соприкосновению» (см.: *Аристотель. Метафизика // Аристотель. Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования. СПб. ; Киев, 2002. С. 374).*

- ¹³ Rorty P. *Философия и зеркало природы*. Новосибирск, 1997. С. 281–282.
- ¹⁴ Rorty R. *Op. cit.* P. 10.
- ¹⁵ Rorty P. *Случайность, ирония и солидарность*. М., 1996. С. 29.
- ¹⁶ Rorty P. *Op. cit.* P. 62.
- ¹⁷ Согласно Анкерсмиуту, нарратив является культурным феноменом, умеющим «схватывать реальность, осуществлять, так сказать, определенное “приручение” реальности <...> Превратить реальность “как таковую” в реальность, адаптированную к нашим целям и задачам» (см.: *Доманска Э. Философия истории после постмодернизма*. М., 2010. С. 117).
- ¹⁸ По мнению Уайта, нарратив глубоко антиреалистичен, ему невозможно обучиться, поскольку он является субъективным способом созерцания практики, поэтому «самая важная вещь в нарративе заключается в том, что он является способом организации восприятия мира субъектом, способом организации опыта субъекта» (см.: *Доманска Э. Указ. соч.* С. 30–31).
- ¹⁹ Яркой иллюстрацией этому может служить целое направление в области антропологии, имеющее своей

целью выявление своеобразной эстетической концентрации взгляда на искусство, организующего в философском поле область так называемой эстетической антропологии как своего рода языкового аналога самого искусства (см.: *Щербинин М. Искусство и философия в генезисе смыслообразования (Опыт эстетической антропологии)*. Тюмень, 2005. 312 с.).

- ²⁰ Дэвидсон Д. *Границы буквального // Дэвидсон Д. Истина и интерпретация*. М., 2003. С. 359.
- ²¹ Там же. С. 360.
- ²² На этот счет Дэвидсон высказывает следующее: «Если кто-то водит пальцем по береговой линии на картине или любуется красотой и искусностью линии в рисунках Пикассо, то к чему именно привлечено его внимание? Можно было бы назвать бесконечное множество моментов, ибо идея полноты и исчерпанности к такому перечислению неприменима. Сколько же фактов или суждений передается фотографией или картиной: ни одного, бесконечное множество или один большой факт, который не поддается выражению? Это плохой вопрос. Картина не нуждается ни в тысяче слов, ни в любом другом их количестве. *Между картиной и словами невозможен эквивалентный обмен* (курсив мой. – И. Н.)» (см.: Там же.).
- ²³ Первопричина, перводвигатель (лат.).
- ²⁴ Rorty R. *Op. cit.* P. 12.
- ²⁵ Следует вспомнить, что именно представление о «действующих словарях» является той площадкой, на которой раскрывается в целом историзм Рорти.

УДК 316.3

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА

А. И. Парфёнов

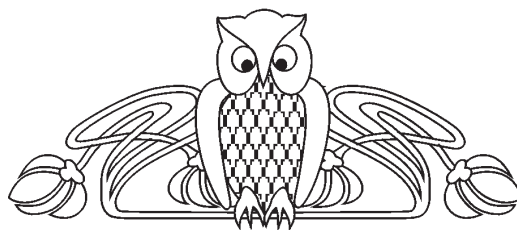
Саратовский государственный университет
E-mail: anteat1@yandex.ru

Феноменологический метод ориентирован не столько на изучение специализированных форм знания, например науки, сколько на «повседневное знание», реальность «жизненного мира», предшествующую всем теоретическим системам. Её основным теоретическим источником безусловно является феноменология Э. Гуссерля, переработанная А. Шюцем в феноменологическую социологию. Процесс становления человека происходит во взаимосвязи с окружающей средой. Социальный порядок – это человеческий продукт, или, точнее, непрерывное человеческое производство, он создается человеком в процессе экстернализации. **Ключевые слова:** феноменология, порядок, общество, социальная реальность, другой.

Phenomenological Paradigm of a Social Order

A. I. Parfenov

The phenomenological method is directed not at studying of specialized forms of knowledge (as a science, for example), but at «daily

knowledge», reality of the «Lebenswelt», previous to all theoretical systems. Its main theoretical source is the phenomenology of E. Husserl, recycled by A. Schutz to phenomenological sociology. Process of formation of the person occurs in interrelation with environment. Social order is a product of man, or rather, continuing human production. It created by man in the process of externalization.

Key words: phenomenology, order, society, social reality, Other.

Феноменология предполагает рассмотрение социального мира с точки зрения естественной установки сознания. Теоретические абстракции, свойственные классической философии, возвышают её над обыденным знанием, которое предстает перед философом непоследовательным, фрагментарным, вводящим в заблуждение, но не следует забывать, что в повседневной жизни человек живет не в абстракции, а в реальном, эмпирическом мире. Сосредоточив внимание лишь на абстрактно-теоретическом знании, мы не только

существенно сужаем сферу социального знания как такового, но и вне рамок соотношения его с жизненным миром человека не в состоянии составить адекватного представления о реальности.

Феноменологический подход принят прежде всего в рамках социологии знания, которая ориентирована не столько на изучение специализированных форм знания, например науки, сколько на «повседневное знание», реальность «жизненного мира», предшествующую всем теоретическим системам. Её основным теоретическим источником безусловно является феноменология Э. Гуссерля, переработанная А. Шюцем в феноменологическую социологию, включающую в себя концепцию социального распределения знания¹. Необходимо отметить, что, следуя гуссерлевской корреляции феноменологического и созерцательного-психологического, Шюцц выдвигает регулятивное требование, согласно которому идеализированные объекты социальных наук должны быть согласованы с понятиями здравого смысла, используемыми в обыденном языке².

Детальная разработка основных категорий и тем социологии знания в феноменологической перспективе принадлежит П. Бергеру и Т. Лукману. После выхода их работы «Социальное конструирование реальности» (1966) это направление получает широкую известность и вес в американской и немецкой социологии³. Основные понятия теории «реальность» и «знание» – термины, которые используются не только в повседневной речи, но и в философской традиции, имеющей длительную историю. Авторы определяют «реальность» как качество, присущее феноменам, иметь бытие, независимое от нашей воли и желания, а «знание» можно определить как уверенность в том, что феномены являются реальными и обладают специфическими характеристиками.

Процесс становления человека происходит во взаимосвязи его с окружающей средой. Это утверждение приобретает особое значение, если помнить, что окружающая среда является как природной, так и человеческой. Развиваясь, человек взаимодействует не только с природной окружающей средой, но и с особым социокультурным порядком, опосредуемым для него значимыми другими, которые несут за него ответственность⁴. Таким образом, «создание человеком самого себя» – всегда и неизбежно предприятие социальное. Люди вместе создают окружающую среду во всей совокупности ее социокультурных и психологических образований, ни одно из которых нельзя понять в качестве продукта биологической конституции человека, которая устанавливает лишь внешние пределы его производительной деятельности.

Подобно тому как человек не может развиваться в изоляции, так и собственную окружающую среду он не может создать один: «Только по отношению ко мне определенный вид связей с другими приобретает тот особый смысл, который

обозначаю словом “мы”. Только по отношению к “нам”, где центром являюсь я, другие выступают как “вы”. А по отношению к “вам”, в свою очередь соотносящимся со мною, выделяется третья сторона — “они”»⁵. Социальная реальность субъективируется на основе как уже заданного объяснения в культуре общества, так и социального фундамента знаний индивида или социальной общности. Итак, феноменология понимает социальный мир как смысловой, в котором люди действуют исходя из социально-субъективной значимости на основе предопределенного мира значений.

В понятие идентичности субъектов включается весь их жизненный мир и тем самым все их социальные качества. Идентичностью обладают, соответственно, не только личности, но вообще все рефлексивные системы. Всякое общество имеет историю, в ходе которой возникает его специфическая идентичность, через действия или уклонение от действий принадлежащих к обществу людей, каждый из которых имеет свою специфическую идентичность. Идентичность есть феномен, возникающий благодаря диалектике индивидуума и общества⁶. История «ручается за человека» – так сформулировал тезис о происхождении индивидуальности из социальной истории феноменолог В. Шапп; имена людей являются «названиями историй», и «только через истории» существует «доступ к людям», «доступ к другому».

Именно так формируется пространство «социальной реальности». Оно представляет собой результат объективации, факт деперсонифицированной интерпретации. Эта интерпретация осуществляется в виде «трансцендентального» взаимодействия социальных тел. Интерпретация в универсуме интеробъективности (предельно обезличенная «интерпретация» свойств, значений и качеств элементов социальной системы) выглядит как «вписывание», приспособление любого объекта к социальной реальности, т. е. своеобразное общение на языке окружающих предметов и явлений, чтобы быть вместе с ними. Социальная практика, таким образом, сводится к деятельности по конструированию интерсубъективных смыслов и значений, приписываемых людьми определенным ситуациям взаимодействия. Из этих субъективных значений, являющихся центральными для понимания общества, строится сама социальная действительность. Общество превращается в процесс, в постоянное созидание смыслов событий, образующих повседневный жизненный мир людей.

На вопрос, как функционирует социальное действие, А. Шюц дает ответ исходя из интерсубъективной конституции жизненного мира: в жизненном мире я подчиняюсь тому обстоятельству, что другие видят мир в принципе так же как и я. Это положение А. Шюц называет основным тезисом «взаимных перспектив»⁷. Формирование в сознании «обобщенного другого» – решающая фаза

социализации. Она включает «интернализацию» общества как такового, а значит, и устанавливаемой объективной реальности, но в то же время включает субъективное установление целостной идентичности. Общество, идентичность и реальность выкристаллизовываются в сознании субъекта в том же самом процессе интернализации, это происходит наряду с интернализацией языка.

Впервые термин «обобщенный другой» использовал Дж. Г. Мид для определения первичной социальной группы, отождествляя себя с которой индивид, прежде всего ребенок, осознает себя в качестве цельной личности. Психологизм в интерпретации понятия «обобщенный другой», присущий концепции Мида, удалось преодолеть П. Бергеру и Т. Лукману, которые подошли к его определению с позиции социальной феноменологии. Формирование этого образа в сознании означает, что индивид идентифицирует себя не только с конкретными другими, но и со всеобщностью других, то есть с обществом в целом. Понятие обобщенного другого связывает отдельного индивида через его представление о себе самом как социальном существе с объективно существующим обществом, а также со всеми социальными субъектами.

Понятие трансцендентального, или обобщенного другого объемлет и общество, и государство как интересубъективную реальность, как формы жизненного мира. Также это могут быть семья, друзья, соседи или случайный прохожий, взятые как в своей совокупности, так и по отдельности, в силу того что каждый из них, по существу, – носитель надындивидуальных социальных качеств, посредством каждого из которых индивид поддерживает свою связь с обществом. Именно поэтому мнение незнакомца может иной раз оказаться для человека важнее, чем предписания официальных институтов. Ценность того, что «скажут люди», неизмеримо высока для индивида, стремящегося к социальной идентичности. Контроль со стороны другого – наиболее существенная с феноменологической точки зрения форма контроля над субъектом социального опыта.

Когда «обобщенный другой» сформировался в сознании, устанавливается симметричная связь между объективной и субъективной реальностью: объективная реальность может быть легко «переведена» в субъективную и наоборот, а язык – главное средство выражения и распространения этого непрерывного процесса «перевода» в обоих направлениях. Обе реальности соответствуют друг другу, но они не могут быть одинаково протяженными во времени или пространстве. Более «доступной» всегда оказывается объективная реальность, хотя бы потому, что сущность и содержание социализации определяются социальным распределением знания. С другой стороны, всегда существуют элементы субъективной реальности, которые обязаны своим происхождением не социализации – например, осознание собственного тела⁸.

Человеческому организму недостает необходимых биологических средств, чтобы обеспечить стабильность поведения. Человеческое существование, если бы оно опиралось только на ресурсы организма, было бы весьма хаотическим. Хотя подобный хаос и можно представить в теории, на практике он маловероятен. В действительности человеческое существование помещено в контекст порядка, управления, стабильности. Тогда возникает вопрос: откуда берется существующая в реальности стабильность социального порядка? Ответ существует на двух уровнях. Сначала можно указать на очевидный факт: данному социальному порядку предшествует биологическое развитие любого индивида. С другой стороны, хотя открытость миру и свойственна биологической природе человека, преимущественные права на нее всегда предьявляет социальный порядок.

Социальный порядок – это человеческий продукт, или, точнее, непрерывное человеческое производство. Он создается человеком в процессе постоянной «экстернализации». Социальный порядок в своих эмпирических проявлениях не является биологически данным или происходящим из каких-либо биологических данных. Нет нужды добавлять, что социальный порядок не является также данностью человеческой природной среды, хотя отдельные ее черты могут быть факторами, определяющими те или иные характеристики социального порядка (например, экономические мероприятия, технологические приспособления). Социальный порядок не является частью «природы вещей» и не возникает по «законам природы»: он существует лишь как продукт человеческой деятельности. Никакой другой онтологический статус ему нельзя приписать без того, чтобы окончательно не запутать понимание его эмпирических проявлений.

И в своем генезисе (социальный порядок как результат прошлой человеческой деятельности), и в своем настоящем (социальный порядок существует, поскольку человек продолжает его создавать в своей деятельности) это человеческий продукт. Человеческое существование невозможно в закрытой сфере внутреннего бездействия: человек должен непрерывно экстернализовать себя в деятельности. Эта антропологическая необходимость коренится в его биологическом аппарате. Внутренняя нестабильность существования человека вынуждает его обеспечивать стабильное окружение для своего поведения. Он должен сам классифицировать свои влечения и управлять ими: эти биологические факты выступают в качестве необходимых предпосылок создания социального порядка⁹.

Подобное понимание общества наиболее отчетливо выразил в своих трудах Э. Дюркгейм. Он утверждал, что общественная жизнь представляет собою реальность особого рода – «социальную реальность». Она отличается от природной реальности и не сводима к ней, но она столь же «реаль-

на», как природа, хотя и имеет свою специфику. Это «надбиологическая» и «надындивидуальная» реальность, которая, в определённом смысле, первична по отношению к биопсихической реальности, воплощенной в человеческих индивидах. Первична она потому, что биопсихическая реальность, т. е. человек с его биологической и психической организацией, может существовать только в условиях общественной жизни. Любое общество состоит из более или менее многочисленной совокупности людей, однако оно не сводится к сумме составляющих его индивидов, потому что они не просто сосуществуют как независимые друг от друга элементы или «атомы» социальной реальности, а взаимодействуют друг с другом и вследствие этого взаимодействия общество выступает как сложная система, которая есть единое целое, а не просто некое множество собранных вместе отдельных частей-элементов¹⁰.

Как было показано выше, очень часто в качестве родового понятия по отношению к понятию «общество» выступает понятие «система». Системы бывают разного класса или вида (например, открытые и закрытые). Прежде чем определять понятие «общество», следует выяснить, система какого класса или типа является ближайшим родом к системе «общество». Общество не может существовать, не потребляя окружающего мира, поэтому оно оказывается системой субъектного типа и это понятие следует считать родовым по отношению к понятию «общество», а понятие «объект» не вполне приемлемо для его определения. Смежными видами по отношению к нему могут считаться понятия «живой организм» (отсюда становится ясно, что уподобление общества организму отнюдь не случайно), «биосфера» и, может быть, другие феномены¹¹.

Синтез понятий «организм» и «система» применительно к обществу в той мере, в которой объективна диалектика природы и общества, вполне допускается феноменологической парадигмой. Эта диалектика задана условиями человеческого существования и вновь проявляется в каждом человеческом индивиде. Он развивается, конечно, в уже структурированной социально-исторической ситуации. Это диалектика, которая приходит вместе с самыми первыми фазами социализации и продолжает развиваться на протяжении всего существования индивида в обществе, диалектика всякого человеческого животного и его социально-исторической ситуации. Внешне она предстает как отношение между индивидуальным животным и социальным миром, внутренне – индивидуальным биологическим субстратом и социально произведенной идентичностью. Общество, к примеру, прямо проникает в функционирование биологического организма человека, в особенности в области сексуальности и питания¹².

Человек биологически предопределен к конструированию мира, в котором он живет с другими. Этот мир становится для него домини-

рующей и определяющей реальностью. Ее границы установлены природой, но стоит этому миру возникнуть, и он оказывает на природу обратное влияние. В диалектике природы и социально сконструированного мира трансформируется сам человеческий организм¹³.

Общество обладает особыми интегральными свойствами, отличными от свойств его отдельных органов: к ним относится способность к исторически длительному (на протяжении многих поколений) автономному существованию. Такой способностью не обладают никакие отдельные составные части социального организма – ни индивид, ни семья, ни какая-либо другая социальная группа или организация не способны на историческое существование вне взаимодействия с внешней, окружающей их социальной реальностью. Это возможно только для такой совокупности людей (состоящей из сменяющихся поколений), которая образует общество как целостный социальный организм.

Такого рода «органистический» подход в своих основных положениях не противоречит коммуникативной теории Н. Лумана, согласно которой общество есть самодостаточная, саморазвивающаяся система, постоянно взаимодействующая с внешней средой. Эта среда более комплексна, коммуникационно насыщена, чем сама социальная система. Социальной системе, чтобы не раствориться в окружающей среде, необходимо наблюдать саму себя, фиксировать, отслеживать то, что происходит между системой и средой, а также внутри самой системы. Способность последней к самонаблюдению, самоописанию, т. е. к отслеживанию собственных состояний, меняющихся в процессе ее взаимодействия с внешней средой, и есть социальная коммуникация.

Феноменологический метод прекрасно работает при исследовании современных коммуникационных технологий. В частности, феноменология с ее установкой на множественность реальностей, в которых существует социальный субъект, может быть методологической основой для изучения основ бытия личности в мире медийной социальной сети. Создание социальной медийной сети есть процесс, повторяющий, по существу, основные процедуры феноменологического и трансцендентального «эпохе» (психологической и трансцендентальной редукции), а также проецирующий механизмы конституирования пространственно-временного континуума, посредством которого субъект воссоздает реальность в ее intersubjectивности, т. е. делает ее достоянием любой субъективности¹⁴.

Феноменология, обращаясь к проблемам социального порядка, становится своего рода стратегией исследования, которая создает модели «контекстуально» работающего сознания на основе принципиально созерцательного отношения к реальным процессам познания и практики.

Примечания

- 1 Schutz A. Collected Papers : in 3 v. Secaucus. New Jersey, 1971. Vol. II. P. 121–122.
- 2 См.: Смирнова Н. М. Классическая парадигма социального знания и опыт феноменологической альтернативы // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 127–137.
- 3 См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995. 450 с.
- 4 См.: Mead H. Mind, Self and Society. Chicago, 1967. 401 p.
- 5 Щюц А. Структура повседневного мышления // Социс. 1988. № 2. С. 132–133.
- 6 См.: Люббе Г. Историческая идентичность // Вопр. философии. 1994. № 4. С. 108–113.
- 7 См.: Абельс Х. Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование // Журн. социологии и социальной антропологии. 1998. Том I, вып. 1.
- 8 См.: Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 63–64.
- 9 Там же. С. 25–26.
- 10 См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 56–65.
- 11 См.: Бороноев А. О., Смирнов П. И. О понятиях «общество» и «социальное» // Социс. 2003. № 8. С. 3–11.
- 12 См.: Mauss M. Sociologie et anthropologie. Paris, 1950. P. 365.
- 13 См.: Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 296.
- 14 См.: Куликов Д. В. Феноменологический метод и мир медийных сетей [Электронный ресурс]. URL: <http://credonew.ru/content/view/535/31/> (дата обращения: 10.02.2011).

УДК 140.8 (470)(09)

РУССКАЯ ИДЕЯ: ОБРАЗ И СМЫСЛЫ

В. П. Рожков

Саратовский государственный университет
E-mail: vladim-rozhkov@yandex.ru

В статье исследуются образ и смыслы русской идеи. На основании изучения религиозных источников и исследовательской литературы по проблемам отечественной истории философии автор доказывает, что образным выражением русской идеи является «Россия-матушка», одновременно обращается внимание на антиномию религиозного и политического смыслов концепции «Москва – Третий Рим» и «великая Россия».

Ключевые слова: русская идея, образ, уровни, смыслы, поляризация, религиозное восприятие, политическая интерпретация.

Russian Idea: Character and Meaning

V. P. Rozhkov

The author analyzes reflections and meanings of the Russian idea. The author based his research on studies of religious sources and special literature on problems of history of Russian philosophy and elaborates upon the vivid expression of the Russian idea as «Mother Russia». At the same time the author researches the antinomy of religious and political meanings of such concepts as «Moscow is the Third Rome» and «The Great Russia».

Key words: Russian idea, reflection, levels, meanings, polarization, antinomy, religious perception, political interpretation.

Русская идея: за последние два десятилетия, обозначившие переход от второго к третьему тысячелетию, российскому общественному сознанию предлагалось два типа отношений к ней. С начала и до середины 1990-х гг. она подвергалась забвению, что логически вытекало из массивно распространяемой доктрины «деидеологизации», сопровождавшейся ориентацией на «общечело-

веческие ценности» в контексте самых примитивных, на грани пошлости, ценностей массовой культуры западной техногенной цивилизации. Во второй половине 1990-х гг. субъектом власти через средства массовой информации стал интенсивно предлагаться поиск русской идеи. Судя по состоянию социально резко дифференцированного, а значит, нестабильного общества, эти искания продолжают и сейчас. Нельзя не отметить, что в этом и власть имущие, и думающие люди в современной России не оригинальны. Поиск русской идеи – судьба отечественных мыслителей.

Результат «болезненных» изысканий противоречив. Образ русской идеи достаточно ясен. И в этом случае внутреннему взору русского человека не может не явиться образ «России-матушки». Не образ «России-царицы», воплощающий имперский политический смысл великой России, и не образ «России-революции» – аналог знаменитой картины Э. Делакруа «Свобода на баррикадах», выражающий все тот же политический, но уже интернациональный смысл особой авангардной роли российского пролетариата в мировой революции, а именно образ милой, любящей, всепрощающей и страдающей «России-матушки».

Этот образ, как представляется, генетически определен для потомков племен земледельцев, о которых писал «отец истории» Геродот в V в. до н. э. как о «скифах-пахарях», живших по среднему течению реки Борисфен (Днепр) «на 11 дней плавания от Ворсклы» и называвших себя сколотами по имени Колакская, или «Солнце-царя», так как